

МЫ НЕ УВИДИМСЯ С ТОБОЙ...

(Окончание.
Начало в № 224).

Даже задумалась — посылать или не стоит? Наверное, у заядлого курильщика полно этих приспособлений. Но потом все-таки решила, что англичане разбираются в курении трубок лучше меня, и оставила наборчик при трубках. К ним же добавились несколько пачек голландского табаку. Письмо и посылка ушли в Москву.

Долго не было никаких вестей. Впрочем, претендовать на весте у меня не было и права. Только волновала судьба трубок — я послала их с нарочным. А вдруг что... И вот приходит письмо, вернее — два в одном конверте.

«Дорогая товарищ Савинова, — читаю в одном, — прилагаемое письмо Константина Михайловича Симонова я отправила Вам в начале января вместе с книжкой для Вас с авторской надписью и двумя книжечками для Ваших польских друзей с автографами. К сожалению, на днях эта бандероль вернулась обратно с надписью, что по указанному адресу пересылка бандеролей не разрешена.

Посылаю Вам вторично письмо Константина Михайловича и прошу Вас — подтвердите, пожалуйста, мне его получение и сообщите, по какому же адресу можно Вам послать бандероль с книгами.

С уважением,
Литературный секретарь
К. М. Симонова

Н. Гордон.

4.02.1976»

Письмо Симонова было получено месяцем раньше. Вот оно что — это из-за почты пришлось поволноваться.

«Милая Ирина Савинова! Спасибо Вам за все вместе: и за Ваше письмо, хорошее и грустное, и за дорогой для меня знак внимания Вашего, за симпатичные трубки.

Наверное, к самому концу этого года выйдут дневники мои все вместе, тогда пришлю их Вам, будет там много для Вас нового, в том числе «Незадолго до тишины».

Если перемените к тому времени адрес — напишите.

Желаю Вам счастья.

К. СИМОНОВ.

3.1.76»

Рука по привычке написала еще «75», а потом переправила. В начале каждого года все мы переучиваем руку.

Вы знаете, что меня особенно тронуло в этом письме? Конечно, и благодарность за трубки, и обещание прислать новое издание дневников. Но, пожалуй, все же не это. Мне были дороги слова, что «письмо хорошее и грустное». Всегда помнила его стихи по поводу писем:

Письма пишут разные
Слезные, болезные.
Иногда — прекрасные,
Чаще — бесполезные.

И было радостно, что он понял мои мысли и настроения.

С Ниной Павловной, литературным секретарем, мы списались, договорились о пересылке бандеролей, и вскоре я получила сборник «Пять тысяч строк».

«Ирине Савиновой на добрую память с благодарностью за дружеское внимание! К. Симонов», — стояло на титульном листе.

Конечно, было немного неловко: я же без всякой корысти и вполне искренне. Но не выяснять же теперь — что да как...

В августе того же года я поступила в литературный институт на заочное отделение. Правда, семинар был уже не поэзии, а драмы. С годами появилась потребность к более основательной форме выражения своих мыслей. В декабре же вернулась на родину. Когда закончилась сумятица отъезда-приезда, приблизилось время сессии, написала Нине Павловне: так, мол, и так, позвольте сообщить, что собираюсь быть в столице.

«Милая Ирина, — получаю ответ, — простите, что не ответила сразу, но Константин Михайлович болел, потом он был в отъезде и только сейчас передал мне для Вас двухтомник «Разные дни войны» с надписью. Вы пишете, что в июне будете в Москве и сможете зайти ко мне за книгами. Буду рада познакомиться с вами лично и передать Вам книги. Как только приедете, звоните мне...».

...Мы договорились, что я пойду в середине дня. Вполне возможно, что в это время будет в рабочем кабинете и Константин Михайлович. Помню, что день выдался дождливый, в вагоне метро пахло сырими зонтиками и свежими розами — я их заботливо заслоняла от обычной толчеи.

Нина Павловна оказалась одна.

— Должна Вас огорчить — Константину Михайловичу немного нездоровится... Давайте познакомимся.

Сейчас уже не помню, с чего начался разговор. Наверное, с двухтомника, который она положила передо мной. Я показала последний номер польского журнала «Пшизнь» («Дружба»), приобретенный по пути. В нем публиковались отрывки из фронтовых дневников Симонова.

— А у нас этого еще нет, — удивилась Нина Павловна.

— Разумеется, можете оставить.

— Пока не забыла, — преврала себя Нина Павловна на полуслове. — Он просил Вас передать большое спасибо за какую-то чистилочку...

— Чистилочку?

— Да-да, кажется, он ее так называл — чистилочка. Он говорил, что она у него все время под рукой...

А я-то еще сомневалась в ее значимости!

Неожиданно зазвонил теле-

фон. По ответам Нины Павловны можно было понять, что звонил сам Константин Михайлович. Она даже сообщила о принесенном мною журнале. Право слово, мне так хотелось услышать его голос, обращенный именно ко мне, а не в микрофон радио и телевидения. Но попросить телефонную трубку я не решилась, а литературный секретарь даже не обмолвился, что Савинова, хоть и принесла журнал, но еще не ушла и сидит рядом. Я понимала, что она оберегала его от лишнего разговора, еще неведомо каких. Но понимать друг друга дано не каждому.

Наступило время давно задуманной работы, с которой, я знала, постучусь в его двери. Я села за пьесу «Мой отец убит под Сталинградом». Фраза, ставшая заголовком, живет в моей памяти со школьных лет: я переписывалась тогда с немецкой школьницей Ингрид Крамер. Писали друг другу о занятиях, увлечениях, детских радостях. И вдруг в одном из ее писем читаю эти слова: «Мой отец убит под Сталинградом». Тогда для юной души это было потрясением. Как же так? Мы дружески переписываемся, а ее отец, оказывается, пришел врагом на нашу землю?! Лет с той поры прошло много, а фраза, как заноза, сидела в душе, нет-нет напоминала о себе. С годами она стала звучать каким-то заветом — сделать что-то существенное, заставить звучать ее для многих, а не только для меня.

Много солдатских и генеральских мемуаров было основательно прочитано, снова про-

смотрены дневники и романы Симонова. Не раз довелось поговорить и с легендарным Яковом Павловым — он же мой земляк. Появились и «знакомые немцы» Лутиполь Штейдле, Отто Рюле, Гельмут Вельц, Вильгельм Адам, Иоахим Вилдер... Их воспоминания я читала особенно внимательно — хотелось проникнуть в их чувства, понять их мысли, переживания, чтобы ясно представить себе, чем стала для них Сталинградская битва.

Когда основная работа была закончена, написала Константину Михайловичу: все годы старалась попусту Вас не тревожить, а сейчас вот нужен Ваш взгляд и совет. Так ли я воспринимаю военную трагедию? Верны ли мои выводы? Ответ пришел вскоре — я еще не успела начать ожидать его. На этот раз письмо было отпечатано на машинке.

«Дорогая Ирина Савинова, мне переслала письмо в больницу. Видимо, из больницы я переберусь, как теперь это называется, на реабилитацию, потом в санаторий — и не буду в Москве до середины июля. Давайте сделаем так: если после обсуждения на семинаре и разговоров с товарищами у Вас будет ощущение, что пьеса вышла и ее надо ставить в театре, и Вы твердо будете оставаться при этом своем мнении, какие бы возражения Вы не встретили при обсуждении, — оставляйте, уезжая из Москвы, пьесу у Нины Павловны. Она будет в Москве и перешлет мне или туда, где я буду лечиться, или передаст мне, когда я вернусь.

Со временем и со здоровьем у меня не слишком хорошо, поэтому стараюсь делать только необходимое. Посылайте пьесу только в том случае, если будете считать, что это действительно необходимо для Вас.

Желаю Вам всего самого доброго, уважающий Вас Константин Симонов. 15. 5. 1979 г.»

Совсем близко подступила тревога. Несколько дней сочиняла ответ. Впервые писала с черновиком: столько хотелось выразить в немногих словах, подбодрить. Конечно, мне его мнение было необходимо, но...

Катилось лето 1979 года. Будучи в Москве, позвонила Нине Павловне. Ответ был довольно-таки спокойный — находится на лечении на юге, пока все как обычно. Где-то уже на исходе августа как-то стало вдруг беспокойно: Достала подаренные книги, письма: полистала, почитала... Тревога не проходила.

Редакция есть редакция, и в ней есть телетайп. Поэтому первым вопросом, каким встретили меня коллеги, было: «Ты знаешь? Симонов...» Нет, я еще ничего не знала. Подали полосу газеты, где уже стояло правительственное сообщение...

Вот и все... Мы не увиделись. И только фотография над письменным столом.

Пьесу готовлю в качестве дипломной работы. Не знаю, как сложится дальнейшая моя судьба, но твердо знаю: тому, что научилась понимать войну, постигла многие ее стороны, я обязана Константину Михайловичу Симонову.

И. САВИНОВА.